

Тайна его рассказов

К 142-й годовщине со дня рождения А. П. Чехова

Журавлев Д.

Осенью 1939 года я впервые приехал в Ялту со своими литературными концертами.

О чеховском Доме-музее я много слышал и не мешкая направился туда. С волнением подходил я к белому двухэтажному дому.

В то время экскурсий было меньше, и музей производил впечатление скромного жилого дома.

Мария Павловна, сестра А.П. Чехова, радушно встретила меня.

Худенькая, стройная Мария Павловна, несмотря на преклонный возраст, была очень подвижной и легкой. Она пригласила меня наверх, в свою «светлицу». Деревянная лестница вела в уютную комнату-кабинет с небольшим балконом, откуда открывался вид на лежащую внизу Ялту и море.

Мария Павловна была настолько проста и расположена к общению, что очень скоро мне показалось, будто мы с ней давно и хорошо знакомы, и я почувствовал себя совсем свободно. С большим интересом расспрашивала она о моей работе. Я попросил ее послушать «Даму с собачкой» (я тогда не расставался с этим рассказом. При малейшей возможности мне хотелось читать его. Я все время что-то пробовал, исправлял, дорабатывал).

Слушала Мария Павловна очень живо и, когда я закончил, сказала что-то вроде: «Я даже как-то не предполагала, что это такой глубокий рассказ!.. Знаете что? У меня есть заветная бутылка шампанского. Давайте отметим нашу встречу и сегодняшнее чтение и выпьем по бокалу...»

Каждый раз, приезжая после войны в Ялту на гастроли, я прежде всего стремился попасть в чеховский дом. Знакомство мое с Марией Павловной постепенно перешло в очень дорогую для меня дружбу.

Несмотря на все возрастающий объем работы в музее, частые встречи с людьми, помогавшими полному его восстановлению, огромную деловую переписку и все увеличивающееся количество экскурсий в чеховский дом, Мария Павловна всегда находила время для друзей. Чеховская приветливость, чеховское гостеприимство в полной мере были в ее характере. Мне было разрешено бродить по саду и дому. Это были чудесные часы... Я бывал в спальне Антона Павловича, убранной с необычайной простотой. Подолгу стоял в его кабинете перед письменным столом, за которым написаны «Душечка», «По делам службы», «Дама с собачкой», «В овраге», «Невеста», один из самых любимых мною рассказов «Архиерей», перед книжным шкафом. Книг было совсем немного: Толстой, Шекспир, Пушкин... Разглядывал пейзаж Левитана, вделанный в каминную доску. Перебирал груды визитных карточек, рассматривал фотографии. Запомнилась фотография Веры Федоровны Комиссаржевской с фразой Нины из 4-го акта «Чайки»: «Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства - чувства, похожие на нежные, изящные цветы...»

Мы часами разговаривали втроем или, оставаясь с Марией Павловной, затаив дыхание, я слушал ее рассказы-воспоминания об Антоне Павловиче - о его жизни, отношении к матери, обо всей чеховской семье...

Работа над произведениями Чехова, соприкосновение с миром великого писателя, строгого, чистого, взыскательного и совершенного художника повышает требовательность к себе.

Чехов - писатель для всех возрастов, но для понимания глубины его произведений необходима душевная зрелость. По-своейственному мне влечению к лирике я, начиная работать над произведениями Чехова, выбрал рассказ «Шуточка». Рассказ этот в то время уже был в

репертуаре А.Я. Закушняка и Э.И. Каминки. Насколько я помню, оба они исполняли его именно как «шуточку», в комедийной тональности. Я же в этом рассказе услышал иного Чехова, того, о котором так точно сказал Алексей Максимович Горький: «Его рассказы пропитаны удивительным знанием жизни, мудрой беспристрастностью и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает».

Меня привлек грустный, лирический конец «Шуточки» о несостоявшейся жизни Наденьки, сохранившей навсегда воспоминание о словах любви, прозвучавших в ее юности.

Ту же щемящую тоску почувствовал я и в рассказе «Муж».

Оба эти рассказа я исполнял грубовато, что часто происходит в начальной стадии работы. Мне хотелось прежде всего выявить и точно прочертить сюжетную линию, события, характеры. И только с годами я все полнее постигал серьезность и глубину их смысла.

Теперь, после многих лет упорной работы, я понимаю непозволительность такого обращения с текстом Чехова и настоятельно советую всем молодым чтецам остерегаться этого. Сам Чехов необычайно требовательно относился к своим рассказам, тщательно работал над каждым из них, поэтому в них нет ничего лишнего, все точно, сжато, все на месте. Толстой назвал Чехова «Пушкиным в прозе», а Горький писал, что передавать содержание рассказов Чехова еще и потому нельзя, что «все они, как дорогие и тонкие кружева, требуют осторожного обращения с собой и не выносят прикосновения грубых рук, которые могут только смять их».

Удивительно притягательной силой наполнено все творчество Чехова! Ему ведомы самые прямые дороги к сердцу читателя. Это я чувствую каждый раз, исполняя его произведения. И хотя рассказы, читаемые мною, скорее грустные, чем смешные, не было случая, чтобы слушатели отнеслись к ним холодно, равнодушно, - они всегда доходят до сердца.

Вспоминаю, как однажды на гастролях я попал в очень глухое место на Урале. В программе концерта была и «Шуточка». Сюжет рассказа прост: встреча на катке и шутовое признание в любви молодого человека милой девушке Наденьке. Утром на улице ко мне подошла пожилая колхозница и очень просто и сердечно сказала: «Спасибо тебе за твою Наденьку. Так вот и вижу ее... И зачем же это он так сделал? Зачем посмеялся над ней?..»

А сколько видел я искреннего сочувствия к неразделенному горю извозчика Ионы Потапова, потерявшего сына (рассказ «Тоска»). Какие прекрасные в своей непосредственности, искренности реплики слышал я из зала на концертах! Причина, мне думается, в том, что, как пишет Горький, «в рассказах Чехова нет ничего такого, чего бы не было в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он ничего не выдумывает, не описывает того, чего нет».